

И. Башмаков

«Вопросы экономики», №8, 2008.

Россия 2050

Этнометрический анализ, о котором речь пойдет чуть позже, показал, что в списке ментальных особенностей России преобладают ценности выживания и, отчасти в силу этого, сравнительно низкая ориентация на будущее¹. Даже в советское время планы были только пятилетними. Только сравнительно недавно МЭРТ стал формировать прогнозы на 9-12 лет вперед, а для ряда документов, таких как «Энергетическая стратегия», горизонт анализа и прогноза расширился до 2030 г. Это очевидный прогресс. Однако следует иметь в виду, что на Западе существует несколько исследовательских групп, которые анализируют проблемы развития глобальной экономики, энергетики и климата с горизонтом до 2100 г.² 2030 г. оказывается слишком близко во времени, чтобы можно было добиться существенных изменений в траекториях развития цивилизации. Поэтому все больше появляется аналитических работ с попыткой оценить изменение технологической структуры общества к 2050 г.³ Естественно, степень детальности проработок видения 2050 г. существенно ниже, чем более близких перспектив. В России только-только начали появляться первые оценки того, где страна может оказаться в 2050 г. в координатах глобальной экономики.

Эксперты “Goldman Sachs” в 2003 г. определили, что темпы роста ВВП России в 2000-2025 гг. составят 7,3% в год, а в 2026-2050 гг. – 3,8% в год. В итоге ВВП на душу населения в России будет равен в 2025 г. 32% от уровня США, а в 2050 г. - 59% (расчеты по обменным курсам)⁴. Однако рост ВВП России в значительной мере ожидается за счет укрепления рубля. В отношении физического объема ВВП ожидался довольно медленный, как сейчас в России сказали бы, инерционный рост. Ожидалось снижение годовых темпов роста ВВП с 4,1-5,8% в 2006-2010 гг. до 3,3-3,6% в 2021-2025 гг. и до 1,8-2,1% - в 2046-2050 гг. Это замедление - отчасти результат ожидаемого снижения численности населения до 136 млн. чел. в 2025 г. и до 118 млн. чел. в 2050 г.

В 2006 г. эксперты “Pricewatercoopers (PWC)” полагали, что российский ВВП будет расти в 2005-2050 гг. в среднем на 4,6% в год при снижении трудоспособного населения на 0,5% в год⁵. Последний фактор будет сдерживать экономический рост и не позволит России увеличить свою долю в глобальном ВВП. Доход на душу населения по этому прогнозу вырастет в 9,6 раза, и превысит нынешний уровень США, но составит только половину от уровня США в 2050 г. Это самый оптимистичный из известных прогнозов для России.

В. Клинов в 2008 г. пришел к похожему выводу, что ВВП России к 2025 г. сможет достичь 80% от нынешнего уровня США (по паритету покупательной способности), а к середине века - практически выйти на уровень США 2005 г.⁶ Его прогноз базируется на анализе как роста численности населения, так и на теории больших циклов в экономике. Период 2000-2025 г. автор относит к восходящей фазе кондратьевской волны, а период 2026-2050 к

¹ Н. Латова и Ю. Латов. Этнометрические подходы к сравнительному анализу хозяйственно-культурных ценностей. «Вопросы экономики». №5. 2008.

² Обзор их результатов можно найти в главе 3 работе МГЭИК - лауреата Нобелевской премии мира за 2007 г.: IPCC 2007. Climate Change 2007: Mitigation of Climate Change. Contribution of Working Group III to the Fourth Assessment Report. B. Metz, O.R. Davidson, P.R. Bosh, R. Dave, L.A. Mayer (eds). Cambridge University Press. Cambridge. UK and New York, USA.

³ OECD/IEA, 2006. Energy Technology Perspectives 2006, Scenarios and Strategies to 2050. OECD/IEA, 2007a. Tracking industrial energy efficiency and CO2 emissions. OECD/IEA. Paris. 2007.

⁴ Dreaming with BRICs: The Path to 2050. “Goldman Sachs Global Economy Paper”. № 99. October 2003.

⁵ Догоним Америку к 2050 году. Стратегия и конкурентоспособность. №3. 2006.

⁶ В. Клинов. Мировая экономика: прогноз до 2050 г. «Вопросы экономики». №5. 2008.

нисходящей. Для России темпы роста ВВП получаются равными соответственно 4% в 2000-2025 гг. и только 2,5% в 2026-2050 гг. В итоге доля России в глобальном ВВП не только не растёт, но даже снижается в 2,4% в 2000 г. до 2,1% в 2050 г. И это при условии, что России удастся стабилизировать численность населения на уровне 140 млн. чел.

В 2006 г. автор этих строк также попытался определить перспективы развития России до 2050 г.⁷ В этом прогнозе предполагалась возможность роста ВВП России в 4,3-7,3 раза в 2005-2050 гг., или в среднем на 3-4% в год при снижении численности населения в 2050 г. до 82-121 млн. чел. Знаменательно, что в верхнем варианте прогноза в 2045-2050 гг. кумулятивная добыча нефти в России достигает 20 млрд. т (в 2 раза больше нынешних доказанных запасов нефти России), а природного газа – 31 трлн. м³ (две трети нынешних доказанных запасов газа). Это означает, что к 2050 г. имеющийся нефтегазовый потенциал России будет практически исчерпан и, если Россия не откроет новых гигантских месторождений углеводородов, то для роста ВВП придется найти новый двигатель с другим топливом.

Здесь возникает вопрос: справится ли с этим Россия, найдет ли она этот новый двигатель, сможет ли перейти на инновационный путь развития? Как считают К. Юдаева и Е. Ясин Россия в ближайшие 40-50 лет столкнется с двумя вызовами: проблемой перехода от догоняющего развития к развитию на технологической границе и необходимости перестройки жесткой институциональной системы России⁸. По мере сокращения дистанции по уровню развития между Россией и развитыми странами возможности заимствования технологий сокращаются, а потребность в их «генерировании» активизации «инновационности», напротив, растет. Собственно необходимость институциональной трансформации именно и возникает из необходимости культивирования «инновационности».

В последнее время в литературе идет активная дискуссия о качественных и институциональных особенностях развития России до 2020 г.⁹ В этой дискуссии явно звучат два тезиса: Россия нуждается в модернизации институтов и для этой модернизации необходимо формировать коалиции. К сожалению, отсутствие системного анализа проблем, которые могут возникнуть при сохранении нынешних институтов, делает эти работы недостаточно убедительными. Получается, что именно в последние годы, когда модернизация институтов резко замедлилась, экономика стала расти быстрее. Аналитики говорят, что без их модернизации эти темпы не удержать, но дело обычно ограничивается иллюстрациями и примерами при их ограниченной убедительности в силу отсутствия соответствующей теории.

Структурирование анализа в рамках системы взаимосвязей «экономика → социальная система → институциональная и политическая система → экономика» в России, да и за рубежом, развито очень слабо¹⁰. При попытках такого анализа на первый план

---

⁷ I. Bashmakov. Russian energy and carbon emissions: coming from 2005 to 2050. Developing vision for a low carbon society (LCS) through sustainable development. Workshop summary. June 13-16, 2006. Tokyo. Japan.

⁸ К. Юдаева и Е. Ясин. Стратегия 2050: справится ли Россия с вызовами глобализации? «Вопросы экономики». №5. 2008.

⁹ См. Е. Ясин. Модернизация и общество. «Вопросы экономики». 2007. № 5; К концепции и программе социально-экономического развития России до 2015 г.: Резюме научного доклада / Сотрудники РАН. М., 2007; Григорьев Л., Аузан А., Афонцев С. и др. Коалиции для будущего: Стратегия развития России в 2008–2016 гг. М., 2007; Л. Григорьев и В. Тамбовцев. Модернизация через коалиции. «Вопросы экономики». 2008. № 1; Дускин И. Альтернативы российской модернизации / Совет по национальной стратегии. М., 2007; А. Шаститко, С. Афонцев, С. Плаксин. Структурные альтернативы социально-экономического развития России. «Вопросы экономики». 2008. № 1.

¹⁰ В экономических прогнозах все больше используется сценарный подход, базирующийся на взаимоувязанных концепциях и допущениях о ценностях и состоянии социально-экономической системы (story lines). Однако затем не проводится анализ соответствия полученных результатов принятым социально-политическим допущениям. Автор сделал одну из немногих попыток в этом направлении см. И. Башмаков.

выдвигаются категории поведенческой экономики¹¹, с которыми экономисты не очень привыкли работать. Так К. Юдаева и Е. Ясин емко формулируют задачу модернизации как отход от «экономики недоверия».

В конечном итоге, главным ограничением возможности роста на технологической границе могут оказаться проблемы культуры (в широком смысле), определяющие способность предвидеть появление проблем и принимать эффективные упреждающие действия, возможность активизации творческих способностей, изобретательности и возможность создавать коалиции. Или, другими словами, способность осознать необходимость модернизации, способность меняться и самоорганизовываться для проведения таких изменений. Есть ли у России такие возможности и способности, такая ментальность?

К сожалению, первые опыты этнометрического анализа по России не дают возможности положительно ответить на этот вопрос¹². В методике Р. Инглхарта есть показатель «ценности выживания/самовыражения». «Выживание» означает нацеленность на сохранение достигнутого статуса на фоне ненадежности условий жизни и прав собственности. Все новое воспринимается как опасность и угроза. В поведении и принятии решений доминируют стереотипы, а в отношениях – зависть и недоверие. «Самовыражение», напротив, базируется на гарантиях сохранения достигнутого и накопленного и означает нацеленность на повышение статуса за счет реализации собственных возможностей. Окружающие не воспринимаются как угроза, в отношениях доминирует доверие. По положению на шкале ценностей «выживание/самовыражение» с Россией может конкурировать только Беларусь. Даже такие страны с «восточным» менталитетом как Нигерия, Китай, Индия, Бразилия, Турция оказались намного более продвинутыми в сторону «самовыражения». В этом отношении Россия – «супер Азиопа» и уж совсем не Евразия, или Европа.

В России глубоко укоренились ценности «выживания». Это продукт российской истории, на протяжении не менее тысячи лет. Все брал и давал верховный правитель, как бы он ни назывался. Мало кто был уверен в неприкосновенности своей собственности, а ее экспроприация и последующая раздача сверху, или получение по итогам «кормления», вела к тому, что мало кто верил в возможность «честно» накопить «богатство» при «раздаточной экономике». Легитимность такой, а заодно и всякой другой собственности в России всегда была низка¹³. Для получения благ сверху нужно или молчать, или подличать и присмыкаться при практической бесперспективности роста благосостояния за счет «самовыражения». Любой успех соседа, как правило, воспринимался как несправедливая «раздача».

Значительная часть заработанного изымалась. Кроме того, любая «византийская» система власти, которая в России господствует уже тысячу лет) может опираться только на людей зависимых и подчиненных. Независимы или очень бедные¹⁴, или очень богатые. ИМеено они любят «самовыражаться». Следовательно, все должны работать, но никто не должен много зарабатывать. Для этого любая «византийская» система изымает значительную часть продукта и милитаризует экономику (народ не может потреблять или копить военную продукцию). Другой причиной милитаризации являлась необходимость борьбы за «единомыслие» с «самовыраженцами» этими внутренними врагами и их внешними

О реализации и анализе результатов макроэкономических прогнозов (метод семи матриц). В сб. «Система обработки макроэкономической информации. М., «Наука», 1987.

¹¹ См. И. Павлов. Поведенческая теория – позитивный подход к исследованию экономической деятельности. «Вопросы экономики». №6, 2007.

¹² См. Н. Латова и Ю. Латов. Этнометрические подходы к сравнительному анализу хозяйственно-культурных ценностей. «Вопросы экономики». №5. 2008.

¹³ См. например Г. Явлинский. Необходимость и способы легитиматизации крупной частной собственности в России: постановка проблемы. «Вопросы экономики». №9, 2007.

¹⁴ «Что может быть лучше веселой бедности?» вопрошал древнегреческий философ.

союзниками. Таким образом, в России не сформировалось отношение к самовыражению как основе процветания. Напротив, на Руси от ума только горе.

Многие другие «этнометрические» индикаторы являются производными от пропорции *«ценности выживания/самовыражения»*. Низкий уровень доверия ведет к тому, что Россия – чемпион по *«индивидуализму»* - «каждый только за себя». В этом плане россияне опередили все страны¹⁵. В стране много десятилетий официально культивировался коллективизм, но только на работе или в домах культуры. Все иные формы самоорганизации населения подавлялись. На фоне взаимного недоверия это привело к неспособности создавать устойчивые коалиции, и с их помощью отстаивать свои интересы. Нынешняя политическая система России сформирована властью и защищает только ее интересы. Практически все альтернативные политические движения не выжили, что еще раз иллюстрирует слабую способность создавать устойчивые коалиции.

Как только люди переселись из бараков и коммуналок в отдельные квартиры в «хрущевках» и получили личное пространство для накопления личного «богатства», которое стало скрытым от чужих глаз и которое нельзя было легко «скоммуниздить», как прежде в бараке, они бросили всю свою энергию на цели личного «обогащения», совсем забыв о коллективизме. Именно Хрущев, а не Горбачев заложил мину под фундамент социализма, которая рванула всего через 25 лет, когда в бараках уже почти никого не осталось. Японцы, осуществившие «рывок в будущее» в 60-х и 70-х с системой пожизненного найма, или Китай с его еще сильными традициями сельских общинных отношений находятся на противоположной стороне шкалы.

Слабая способность к самоорганизации – причина высокой *«дистанции от власти»* - признание за властью ее «божественности», готовность смириться с неравномерностью распределения власти и бесконтрольно доверять ей как принятию решений, так и укрепление старых или формирование новых стереотипов. Как показали 90-е годы, многие россияне оказались не готовы ни сами за себя отвечать, ни формировать эффективные коалиции для отстаивания своих интересов.

Доминирование ценностей выживания над ценностями самовыражения также порождает высокую степень *«избегания неопределенности»* и низкую *«долгосрочную ориентацию»*. Это еще две особенности, которые сдерживают возможности развития на технологической границе, где уровень неопределенности всегда довольно высок. Долгосрочная ориентация особенно важна для принятия инвестиционных решений. Она прямо связана с устойчивостью отношений собственности, что ярко иллюстрирует ситуация в российской нефтяной промышленности, которая при запредельно высоких ценах на нефть не вкладывает достаточно средств в развитие сырьевой базы.

Таким образом нынешняя культурная традиция России – *«нацеленность на выживание разобщенных индивидов, ориентированных на решение тактических проблем и плохо представляющих, что их ждет в будущем»*. С этим багажом трудно как определить направления модернизации, так и сформировать коалиции для их осуществления.

Рассмотренные ценности инерционны, но не полностью статичны. Именно их нужно менять, а уже вслед за ними сами институты, иначе регресс даже в самой прогрессивной институциональной реформе будет неизбежен. Наивно ожидать от бюрократического государства, что оно само начнет себя модернизировать во имя будущего. Не очень также верится, что в условиях повышения стабильности Российской экономики в последние годы найдутся силы, способные убедить государство в необходимости модернизацию и вынудить его ее начать. Стабильность является важным условием динамичного роста. Государство тоже действует по стереотипам. Так проще. Кроме того, всегда остается опасение, что существенная модернизация, подобная модернизации 90-х годов может

---

¹⁵ Там же.

быть очень болезненна в том числе и для тех, кто ее начнет. Ведь в 1992 г. все назвали правительство Гайдара правительством камикадзе.

Возможно Россия находится в ловушке: для обеспечения выхода в 2050 г. на уровни экономического развития, сопоставимые нынешними уровнями развитых стран, нужно менять культурные традиции и институты, а менять их некому. Чтобы потребность в замене была осознана и появилась дееспособная коалиция, необходима более доказательная база того, что нынешние жесткие российские институты будут сдерживать экономический рост России. Неопределенность институциональной ситуации в России накладывается на многие другие неопределенности и не позволяет четко ответить на вопросы, как вырастет ВВП России к 2050 г.: в 3 раза, или в 13 раз?, или на каком месте в мировой экономике Россия окажется в 2050 г.?